

Чиновники в разъездах: к вопросу о структурах и действующих лицах имперской бюрократии на закате Российской империи

В статье рассматривается роль высокопоставленных чиновников-эmissаров царского правительства на окраинах – в обеспечении единства Российской империи во второй половине XIX–начале XX веков. В качестве характерной черты имперского управленческого аппарата на периферии исследуется высокая мобильность бюрократов и постоянная ротация управленческих кадров. Основные механизмы и специфика функционирования административной системы управления приграничных регионов империи во главе с «мобильными» чиновниками характеризуются на примере администрации Царства Польского. В заключении оцениваются плюсы и минусы политики управления империей посредством разъездных эmissаров. В целом статья написана в рамках методологии «новой имперской истории», в результате история административных структур поздней Российской империи предстает как история переплетения, взаимовлияния, трансфера и циркуляции коммуникаций, представлений и практик.

Ключевые слова: Российская империя, периферия, Царство Польское, чиновники, бюрократия, мобильность, ротации, new imperial history

«До Бога высоко, до царя далеко» – эта русская пословица, как считал американский путешественник Джордж Кеннан, наиболее точным образом отражала в 1880-е гг. чувство жизни людей в периферийных областях империи Романовых¹. Петербургская метрополия, казалось, существовала в каком-то другом, далеком мире, и периферия обустроивала свою повседневную жизнь по собственным масштабам и представлениям. И действительно, вплоть до второй половины XIX в., азиатские, кавказские и даже европейские пограничные регионы огромной Российской империи обладали широкой культурной и отчасти также правовой автономией. Монарх как формальный глава государства находился за тысячи верст, и местная жизнь определялась не столько лекалами петербургского центра, сколько автохтонным своеобразием. Вплоть до запоздалого формирования имперской бюрократии в конце XIX столетия, центральную власть на периферии представляли почти исключительно прямые ставленники монарха. Эти «вице-короли», генерал-губернаторы и губернаторы, играли ключевую роль в контексте гетерогенной структуры государства. Отправляясь на время в тот или иной окраинный регион, они персонально получали от царей задание, надзирать за органами провинциального управления. Таким образом, они представляли собой чиновников, находившихся в постоянных разъездах, служебные обязанности вели их дорогами множества имперских территорий, где они в лучшем случае проводили лишь несколько лет. Эти мобильные слуги престола были призваны обеспечить единство разнородных частей империи. Их задачей, как делегированных представителей «далекого» монарха, было убедиться в том, что периферийные подсистемы остаются составной частью империи, местные автономии не развили центробежную сепаратистскую динамику, а «покой и порядок» самодержавия обеспечены даже в самых отдаленных уголках страны. Продолжительное время российская государственность существовала на периферии империи только в образе этих «вице-королей», генерал-губернаторов и губернаторов.

В настоящей статье речь идет об этих имперских наместниках и других «мобильных» представителях царской власти в пограничных регионах монархии Романовых. Вопрос, которым в первую очередь задавался автор, состоит в том, каким образом мобильность этих акторов характеризовала царскую администрацию и какие последствия она имела.

* **Рольф Мальте**, доктор исторических наук, профессор университета Отто Фридриха в Бамберге (ФРГ). E-mail: malte.rolf@uni-bamberg.de

¹ *George Kennan: ... und der Zar ist weit: Sibirien 1885. Berlin 1975.*

Необходимо выяснить значение этой мобильности в процессе постепенной унификации административной и правовой системы империи во второй половине XIX века и попытаться идентифицировать границы ее воздействия непосредственно на местах. Также следует реконструировать нежелательные динамики развития имперских структур, которые возникли в последние десятилетия существования монархии Романовых под воздействием этой мобильности царских эмиссаров и их чуждости местным условиям. Что для единства империи значило то обстоятельство, что высшие представители имперского центра представляли собой «чиновников в разъездах»?

В первой части статьи главное место занимает анализ ряда центральных структурных элементов государственного административного аппарата на окраинах империи. При этом в первую очередь внимание уделяется ротации имперских чиновников и следствиям этой ротации в постреформенную эпоху. Для того, чтобы продемонстрировать, как эта общеимперская система управления посредством эмиссаров функционировала в конкретно взятом месте, а также какой свободой действий и полномочиями в локальном контексте обладали представители имперского центра, во второй части статьи в качестве примера приводится имперская администрация Царства Польского. Напряженные отношения между центральными институтами и «висленскими» бюрократами подлежат здесь такому же рассмотрению, как и внутренние структуры системы мобильного управления польских провинций. В третьей части статьи производится разбор некоторых эффектов воздействия «чиновничьей карусели» на представления и ментальные миры «царевых слуг» в конце XIX – начале XX столетия. Иными словами, речь пойдет об обратном влиянии структур имперской чиновничьей мобильности на представления современников о пространствах и собственно империи. Принципиальным намерением автора является попытка, представить историю имперских административных структур поздней Российской империи как историю переплетения, движения и циркуляции коммуникаций, представлений и практик. Тем самым она будет помещена в новый общеимперский сравнительный контекст².

Имперское господство на периферии: к вопросу о ротации чиновников в Российской империи

Российская империя представляла собой сложное мультиконфессиональное и мультиэтническое государственное образование, характеризовавшееся чрезвычайно высокой гетерогенностью. Неизгладимый отпечаток на империю наложили значительная региональная специфика в структурах государственного устройства, существование параллельных правовых систем, разница в уровне развития территорий, а также масштабные культурные и социальные дивергенции различных групп населения. Все это во многом обуславливалось тем, как традиционно осуществлялось расширение романовской империи: вновь присоединенные территории и проживавшие на них люди включались в состав империи как отдельные административные единицы со своим собственным сводом правил. Вплоть до Великих реформ 1860-х гг. Российская империя напоминала лоскутное одеяло, прочность которого гарантировалась сохранением местных сословных иерархий, а также региональных подсистем управления и права. В таком государственном устройстве имперская бю-

² Таким образом, статья следует подходам, выработанным в рамках *new imperial history*. См. наиболее важные методологические публикации на эту тему: Catherine Hall [Hrsg.]: *Cultures of Empire. Colonizers in Britain and the Empire in the 19th and 20th Centuries*. New York 2000; *Catherine Hall: Civilising Subjects. Metropole and Colony in the English Imagination, 1830–1867*. Cambridge 2002; Ann Laura Stoler/ Frederick Cooper [Hrsg.]: *Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World*. Berkeley 1997. Новые транснациональные и трансимперские перспективы изучения обсуждаются в том числе здесь: *Jörn Leonhard / Ulrike von Hirschhausen: Empires und Nationalstaaten im 19. Jahrhundert*. Göttingen 2009; *Jörn Leonhard / Ulrike von Hirschhausen: Beyond Rise, Decline and Fall. Comparing Multi-Ethnic Empires in the long Nineteenth Century*. In: *Jörn Leonhard/ Ulrike von Hirschhausen [Hrsg.]: Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century*. Göttingen 2011; *Dominic Lieven: Empire: The Russian Empire and its Rivals*. New Haven 2002; *Dominic Lieven: Empires on Europe's Periphery: Russian and Western Comparison*. In: Alexei Miller/ Alfred J. Rieber [Hrsg.]: *Imperial Rule*. Budapest 2004, P. 133–149.

рократия присутствовала лишь рудиментарно, за исключением военного контроля за периферийными территориями. Здесь центральную роль играли те бюрократы, которые были посланы на периферию из Санкт-Петербурга. Но в первую очередь управление окраинными провинциями осуществлялось местными элитами, которые становились «царевыми слугами» за счет включения в российское дворянское сословие³.

Эта «домодерновая» структура управления империей подверглась трансформации во второй половине XIX века⁴. Свою роль здесь сыграли главным образом государственные устремления Великих реформ 1864–1871 гг., направленные на централизацию и модернизацию страны и стремившиеся более тесно «привязать» провинции к метрополии, а также унифицировать административную систему и юстицию в империи в целом. Образцом для амбициозных реформ Александра II послужило централизованное государство Наполеона III. Целью реформ было объявлено создание единого правового и управленческого пространства. В результате форсированный процесс унификации самобытных периферийных административных и правовых систем зачастую вызывал ожесточенное сопротивление местных элит. В течение следующих лет последние предпринимали попытки защитить свои «прирожденные» права, в результате между ними и центральной властью, которая в свою очередь за счет централизации и русификации все больше ставила под вопрос автономию окраин, развился сильный антагонизм⁵.

Однако и в постреформенное время практика направления чиновников из центра в провинцию, а также их циркуляции по многочисленным периферийным местам службы не утратила для царской бюрократии своего значения. Перманентная ротация, эта неотъемлемая черта «домодерновой» системы государственного управления, оставалась действующим принципом для различных административных сфер вплоть до конца Российской империи. Шла ли речь об управлении губернией, городом или местной системой образования: назначенные Санкт-Петербургом чиновники появлялись извне и, как правило, ненадолго занимали предназначенное им место. Повторюсь, это было общим правилом как для генерал-губернаторов и губернаторов, так и для кураторов народного образования и командующих военных округов. Царский аппарат управления представлял собой большую ротационную машину, которая осуществляла циркуляцию чиновников на кругах карьеры в имперских провинциях. Мобильность бюрократов характеризовалась в первую очередь многолетними разъездами по окраинным и внутренним территориям империи, и только в качестве венца удачной карьеры чиновник мог надеяться оказаться в Санкт-Петербурге и занять свое место в этом сосредоточении имперской власти. Таким образом, геронтократическая логика оказывала неумолимое воздействие на карьеры российских чиновников со всеми вытекающими последствиями для центральных институтов власти:

³ См. например: *Jörg Baberowski*: Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1999/47. 3. S. 482–503; *Andreas Kappeler*: Nationsbildung und Nationalbewegungen im Russländischen Reich. In: *Archiv für Sozialgeschichte*, 2000/40, S. 67–90; *Andreas Kappeler*: Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München 1992. S. 134–138.

⁴ Более подробно см. об этом: *Jörn Happel/ Malte Rolf*: Die Durchlässigkeit der Grenze: Einleitende Überlegungen zu Grenzgängern und ihren Lebenswelten in der späten Habsburger- und Romanow-Monarchie. In: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 2011/59. 5. S. 397–404.

⁵ См. об этом также у Йорга Баберовски: *Baberowski, Jörg*: Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion, в первую очередь S. 489–490; *Dietrich Beyrau*: Liberaler Adel und Reformbürokratie im Rußland Alexanders II. In: Dieter Langewiesche [Hrsg.]: *Liberalismus im 19. Jh.* Göttingen 1988, S. 499–514; *W. Bruce Lincoln*: *The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia.* DeKalb 1990, v.a. S. 36–60; *Malte Rolf*: Russifizierung, Depolonisierung oder innerer Staatsaufbau? Konzepte imperialer Herrschaft im Königreich Polen (1863–1915). In: Zaur Gasimov [Hrsg.]: *Kampf um Wort und Schrift: Russifizierung in Osteuropa im 19–20. Jahrhundert.* Göttingen, 2012. P. 51–88; *Dov Yaroshevski*: *Empire and Citizenship.* In: Daniel R. Brower/ Edward J. Lazzerini [Hrsg.]: *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917.* Bloomington, 1997. S. 58–79.

так, в 1904 г. средний возраст российских министров составлял 62 года, а возраст членов Госсовета – даже свыше 69 лет⁶.

Эта система циркуляции имела множество, частично непреднамеренных, последствий. В первую очередь стоит указать на функцию репрезентации, которую имперские чиновники выполняли в локальном контексте. Мобильные эмиссары центральной власти на местах, где они временно отправляли ту или иную должность, представляли империю не только в абстрактном смысле. Напротив, они персонифицировали ее весьма конкретно. Ведь как иначе, если не в образе этих чиновников и офицеров, зримо перешагивавших через пространства, империя включала в свою орбиту множество разрозненных местных сообществ? Это обстоятельство, безусловно, было обусловлено институциональной слабостью имперского правительства в Санкт-Петербурге. Империя оказалась не в состоянии, укоренить на местах структуры, действовавшие в надрегиональном контексте: все ограничивалось различными формами репрезентации монаршей власти, некоторыми институтами, такими как армия или налоговые органы, от случая к случаю – линией железной дороги, парой жандармов, рассеянных по огромной территории или чиновником, ведущим учет населения. Все это, однако, не должно вводить в заблуждение: периферия в царской империи была слишком слабо связана с метрополией. Очевидная слабость государственных структур приводила к тому, что пространство свободы местных акторов имперской администрации было весьма значительным. Что касается имперских окраин, то это были в первую очередь генерал-губернаторы и губернаторы, которые в качестве самых могущественных здешних чиновников имели решающее влияние на местную политику⁷.

Принцип ротации бюрократии регулярно поставлял на места, зачастую с короткими промежутками, новых управленцев, представлявших имперскую власть. Так, (генерал-)губернаторы лишь в редких случаях оставались в той или иной провинции дольше, чем на три года. Это только укрепляло чуждость государственных чиновников высшего звена местным условиям. Они были «варягами», чиновниками, посланными Санкт-Петербургом, не располагавшими какими-либо связями с «туземными» обществами. В течение их короткой службы на периферии эта отчужденность, как правило, оставалась непреодоленной. Тем самым, вольно или невольно, был внесен значительный вклад в то, что империя также рассматривалась как нечто внешнее, в той же мере транслокальное, как и экстралокальное явление. Империя в образе своего мобильного бюрократа приходила извне, оставалась чужой и мало считалась с местными условиями⁸.

Ротация пришлых чиновников в окраинных провинциях также приводила к тому, что периферия все больше подвергалась трансформации под внешним воздействием. Здесь было слишком мало устоявшихся структур коммуникации между властью и обществом. Зато «чиновники в разъездах» привозили с собой с предыдущего места работы на новое свое восприятие проблем и способы их решения. Так, неоднократно отмечалось, что неко-

⁶ *Dominic Lieven*: *Russia's Rulers Under the Old Regime*. New Haven, 1989. S. 147; *Stephen M. Norris/ Willard Sunderland*: Introduction. *Russia's People of Empire*. In: Stephen M. Norris/ Willard Sunderland [Hrsg.]: *Russia's People of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present*. Bloomington 2012; *Willard Sunderland*: *The Emperor's Men at the Empire's Edges*. In: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004/5. 3. P. 515–525; см. в целом: John Randolph/ Eugene M. Avrutin [Hrsg.]: *Russia in Motion. Cultures of Human Mobility since 1850*. Champaign/Ill. 2012. Ряд новых исследований подтвердил важность образчиков такой мобильности для других великих империй. См. например: *Tony Ballantyne/ Antoinette Burton* [Hrsg.]: *Moving Subjects: Gender, Mobility and Intimacy in an Age of Global Empire*. Champaign/Ill. 2009; *Simon Schaffer/ Lissa Roberts/ Kapil Raj/ James Delbourgo* [Hrsg.]: *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*. Sagamore Beach 2009.

⁷ См. в том числе: *Jörg Baberowski*: *Vertrauen durch Anwesenheit. Vormoderne Herrschaft im späten Zarenreich*. In: *Jörg Baberowski/ David Feest/ Christoph Gumb* [Hrsg.]: *Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich*. Frankfurt/Main 2008. S. 17–37; *Sunderland*: *The Emperor's Men at the Empire's Edges*; *Stephen Velychenko*: *Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands?* In: *Russian Review*, 1995/54. 2. S. 188–208.

⁸ См.: *Richard G. Robbins*: *The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca 1987, в первую очередь главы 2 и 3.

торые имперские бюрократы, занимавшие государственные посты в Царстве Польском и знакомые не понаслышке с польско-русскими конфликтами, становились активными проводниками политики русификации в других окраинных регионах империи, таких как северо-западные области или балтийские провинции. «Польский опыт» этих царских сановников приводил к тому, что они привозили с собой на следующее место службы категории и практики, сформированные под воздействием соответствующего контекста, с его специфической историей, насыщенной конфликтами⁹.

Принцип ротации произвел целую плеяду «экспертов по периферии», использование которых на других окраинах империи казалось центральным инстанциям логичным. Подчеркнем – имела место мобильность не только самих акторов, вместе с ними в имперском пространстве перемещались их представления о проблемах и опциях решения этих проблем. То, что к началу XX века все конфликты на окраинах империи выглядели в определенной мере сопоставимыми друг с другом, объясняется также имперскими биографиями царских бюрократов¹⁰.

Некоторые из них декларировали свое особое видение проблем в рамках дебатов об устройстве империи, ссылаясь при этом на свой многолетний опыт службы в различных регионах. Отчасти они делали это во внутренней переписке с конкурирующими силовыми министерствами в Санкт-Петербурге, отчасти это проявилось в результате их живого участия в публичных дискуссиях вокруг обустройства империи. Некоторые из этих самопровозглашенных «экспертов по периферии» не сочли трудом взять на себя освещение национального вопроса на имперских окраинах, и в целом выступали против автономистских требований местной общественности. Имперские бюрократы такого рода, претен-

⁹ В качестве примера здесь можно привести ученых и чиновников министерства народного просвещения Н. А. Лавровского и А. С. Будиловича. Лавровский после своей деятельности в качестве ректора Варшавского университета (1883–1890) являлся куратором Рижского учебного округа (1890–1899). А. С. Будилович поднялся с должности декана исторического факультета Варшавского университета (1890) до ректора Юрьевского (Дерптского) университета. Оба они выступали за масштабную русификацию, в том числе в Прибалтике, ссылаясь при этом все снова и снова на свой «варшавский» опыт. См. *Будилович А. С. Памяти Н. А. Лавровского*. Юрьев, 1899; *Грот К. А. Поминки по профессору И. И. Перфольф // Варшавские университетские известия*. 1892. № 3. С. 1–34; *Грот К. А. Н. А. Лавровский (некролог)*. СПб, 1900; *Грот К. А. Братья П. А. и Н. А. Лавровские как деятели науки и просвещения*. Ленинград, 1927; *Иванов Н. И. Педагогические труды Н. А. Лавровского*. Посвящается его памяти. Юрьев, 1900. Об этих двух мобильных имперских деятелях см. Также: *Michael H. Haltzel: Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Russlands. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855-1905*. Marburg 1977. S. 130f; *Edward C. Thaden: The Russian Government*. In: Edward C. Thaden [Hrsg.]: *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914*. Princeton, 1981. S. 15–110, здесь S. 71–74; а также: *Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen und das Russische Imperium (1864–1915)*. München, 2014.

¹⁰ Исследовательский проект, разработанный Тимом Бухеном (Tim Buchen) и автором настоящей статьи, посвящен феномену имперских биографий, а также динамике развития, источником которых были имперские бюрократы. См.: *Malte Rolf/ Tim Buchen [Hrsg.]: Imperiale Biographien in Vielvölkerreichen. Elitekarrieren im Britischen, Deutschen, Habsburger, Osmanischen und Russischen Reich (1850–1918)*. Göttingen 2014 (Themenheft Geschichte und Gesellschaft); *Tim Buchen/ Malte Rolf [Hrsg.]: Imperiale Biographien: Lebensläufe, Karrieremuster und Selbstbilder der Reichseliten in der Romanow- und der Habsburger Monarchie*. Köln 2014. Давид Ламберт продемонстрировал, как протекали такого рода процессы в Британской империи на основании ряда биографий британских губернаторов. См.: *David Lambert/ Alan Lester: Introduction. Imperial Spaces, Imperial Subjects*. In: David Lambert/ Alan Lester [Hrsg.]: *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. S. 1–31; см. Также следующие статьи: *Laurence Brown: Inter-colonial migration and the refashioning of indentured labour: Arthur Gordon in Trinidad, Mauritius and Fiji (1866–1880)*. In: David Lambert/ Alan Lester [Hrsg.]: *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. S. 204–227; *Philip Howell/ David Lambert: Sir John Pope Hennessy and colonial government: humanitarianism and the translation of slavery in the imperial network*. In: David Lambert/ Alan Lester [Hrsg.]: *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. S. 228–256; *Zol Laidlaw: Richard Bourke: Irish liberalism tempered by empire*. In: David Lambert/ Alan Lester [Hrsg.]: *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. S. 113–144.

дующие на право экспертизы, совмещали свои должностные функции с публицистикой, стремясь преподнести себя в качестве знатоков насущных вопросов имперской реформы и, в первую очередь, реализации политики царизма в пограничных областях. В итоге в горячих дебатах, которые российская общественность вела на рубеже веков о государственном устройстве империи, они стали обладать весомым голосом¹¹.

Итак, в качестве основополагающих принципов имперского господства в империи Романовых можно идентифицировать ротацию «мобильных» бюрократов и их чуждость в отношении местных сообществ. Данные принципы оказывали существенное влияние на периферийные пространства, подведомственные этим имперским акторам и служившие сценой для их выступления. Ниже речь пойдет о том, чтобы на конкретном примере Царства Польского показать внутренние структуры царской администрации приграничного региона, а также осветить полномочия и степень влияния петербургских эmissаров. В случае с «конгрессовой Польшей» также станет очевидным, насколько сильно характеризовались напряжением и спором компетенций взаимоотношения между имперскими институтами, сосредоточенными в столичном центре, и мобильными бюрократами провинциальной администрации.

Сила и бессилие генерал-губернаторов: царская администрация Польши в 1864-1915 гг.

Десять польских провинций выступают ниже в качестве квинтэссенции многочисленных окраин царской империи. И все же как Конгрессовая Польша, так и откомандированные сюда чиновники отличались особым статусом. Чтобы внести ясность, необходимо совершить короткий экскурс в историю имперского господства Санкт-Петербурга над большей частью польско-литовской «дворянской республики». В результате разделов 1772, 1793 и 1795 Екатерина II поначалу добилась включения в состав Российской империи большей части польской территории¹². После победы над Наполеоном Александру I не только удалось получить на Венском конгрессе международное признание этих территориальных «приращений». Наряду с этим он добился провозглашения формально независимого, однако связанного персональной унией с царским тронном Царства Польского, охватывавшего земли герцогства Варшавского, созданного Наполеоном в 1807 г. Эта «Конгрессовая Польша» вначале управлялась практически автономно, имея собственную конституцию, парламент, правительство, бюрократию и армию¹³. Но после польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. Петербург лишил ее всех особых прав и форсировал военное-административное овладение беспокойной страной. Бывшее «королевство» должно было быть теперь превращено в обычную, прочно интегрированную имперскую провинцию. Этот коренной перелом отразился даже в официальном названии: начиная с 1864 г.,

¹¹ См. в том числе: Будилович А. С. Вопрос об окраинах России в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства. СПб, 1906. См. также памятную записку В. И. Гурко, сына Варшавского генерал-губернатора И. В. Гурко (занимал эту должность в 1883–1894): Очерки Привислинья. М., 1897. Записка была опубликована под псевдонимом В.Р.

¹² О разделах Польши см.: Michael G. Müller: Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795. München 1984; Michael G. Müller: Hegemonialpolitik und imperiale Expansion: Die Teilungen Polens. In: Eckhard Hübner/ Jan Kusber/ Peter Nitsche [Hrsg.]: Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus - Aufklärung - Pragmatismus. Köln 1998. S. 397–410; Klaus Zernack: Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jh.s. In: Uwe Liskowski [Hrsg.]: Rußland und Deutschland. Festschrift für Georg von Rauch. Stuttgart 1974. Восточные территории Польши, отошедшие к России в результате разделов 1772–1795 гг., рассматривались Санкт-Петербургом как «исконно русские» земли, чье объединение с Россией наконец-то свершилось. В качестве «северо-западных» или «юго-западных» губерний их намного раньше и гораздо сильнее адаптировали к внутрирусским управленческим реалиям. Более подробно об этих областях см.: Theodore R. Weeks: Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb 1996, в первую очередь главу 4.

¹³ См.: Jarosław Czuby: Księstwo Warszawskie (1807–1815). Warszawa 2011; Ekkehard Völkl: Zar Alexander I. und die "polnische Frage". In: Saeculum, 1973/24. S. 112–132; W. H. Zawadzki: Russia and the Re-opening of the Polish Question, 1801–1814. In: The International History Review, 1985/7. 1. S. 19–44.

территория официально называлась Привисленский край. Царские органы власти избегали любого упоминания самостоятельной польской государственной традиции¹⁴.

После январского восстания 1863–1864 гг. польские провинции также управлялись царской администрацией, назначавшейся из Санкт-Петербурга¹⁵. Вес петербургских эмиссаров на западной периферии империи был весьма значительным, особенно если учесть, что они заполняли не только верхние ступени государственного управления, но также доминировали в полицейском аппарате, органах муниципальной администрации и образования¹⁶, а также контролировали страну в военном отношении¹⁷. Напротив, органы сельского и городского самоуправления, которые были учреждены в ходе «Великих реформ» во внутрироссийских губерниях, не были разрешены в Привисленском крае. «Конгрессовая Польша» со своим административным центром, Варшавой, оказалась после 1864 г. в подчинении у пришлого чиновничества, импортированного из центра империи и, как правило, русского по национальности и православного по вере. Военное и административное умиротворение десяти польских губерний выглядело, таким образом, из перспективы петербургской метрополии, чрезвычайно успешным. Учитывая стабильность царского диктата над Польшей, продлившегося после 1864 г. еще свыше половины столетия, потрясения, которые принесла с собой революция 1905 г., можно трактовать как временное волнение. Лишь с утратой Царства Польского в результате военных поражений 1915 г. российскому господству в Привисленском крае пришел конец.

Ниже мы обратим систематическое внимание на управленческие структуры, введенные после 1864 г. и просуществовавшие до 1915 г., а также на имперских «мобильных» чиновников, населявших их. Центральной фигурой имперской администрации в Польше был, начиная с 1864 г., наместник. Наместник назначался непосредственно императором и был в своих действиях подотчетен только ему. Резиденция наместника располагалась в Варшаве, он располагал собственной канцелярией, его власть распространялась на десять польских губерний. Одновременно наместник занимал должность верховного главнокомандующего вооруженных сил Варшавского военного округа и был наделен на время войны и чрезвычайного положения значительными особыми полномочиями¹⁸. Так, в це-

¹⁴ Тем не менее, сами правительственные учреждения продолжали использовать название «Царство Польское». Привисленский край и Царство Польское используются ниже как синонимы. Привисленский край включал в себя 10 губерний: Калишскую, Келецкую, Ломжинскую, Люблинскую, Петроковскую, Плоцкую, Радомскую, Седлецкую, Сувальскую и Варшавскую.

¹⁵ См.: *Jukasz Chimiak*: Gubernatorzy rosyjscy w Krylestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław 1999. S. 70–87; *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 157–185; *Malte Rolf*: Russifizierung, Depolonisierung oder innerer Staatsaufbau? Konzepte imperialer Herrschaft im Königreich Polen (1863–1915); *Katya Vladimirov*: The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and 20th Century Russian Poland. Lewiston 2004, S. 54–61 и S. 107–112; *Malte Rolf*: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen und das Russische Imperium (1864–1915).

¹⁶ *Jzyef Miłoso*: Szkolnictwo zawodowe w Krylestwie Polskim w latach 1815–1915. Wrocław, 1966; *Malte Rolf*: Imperiale Herrschaft im städtischen Raum. Zarische Beamte und urbane Öffentlichkeit in Warschau (1870–1914). In: *Bianka Pietrow-Ennker* [Hrsg.]: Russlands imperiale Macht. Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive. Kün, 2012, S. 123–153; *Malte Rolf*: “Approved by the censor”: Tsarist censorship and the public sphere in Imperial Russia and the Kingdom of Poland (1860–1914). In: *Jan Claas Behrends/ Thomas Lindenberger* [Hrsg.]: Underground Publishing and the Public Sphere. Comparative and Transnational Perspectives. Palgrave 2014; *Leonard Szymanski*: Zarys polityki caratu wobec szkolnictwa ogylnoksztaicNecego w Krylestwie Polskim w latach 1815–1915. Wrocław, 1983.

¹⁷ См.: *Werner Benecke*: Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland 1874–1914. Paderborn 2006, Kap. 4.1; *Dietrich Beyrau*: Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Köln, 1984, S. 238–249; *Malte Rolf*: Revolution, Repression und Reform: 1905 im Königreich Polen. In: *Lilia Antipow/ Matthias Stadelmann* [Hrsg.]: Schlüsseljahre. Zentrale Konstellationen der mittel- und osteuropäischen Geschichte. Festschrift für Helmut Altrichter zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 2011. S. 219–232.

¹⁸ В качестве верховного главнокомандующего Варшавского военного округа в подчинении наместника, а позднее генерал-губернатора находилось около 240 тыс. солдат, только в одной Варшаве размещалось после 1900 г. более 40 тыс. солдат. Иногда это число достигало даже 65 тыс. С показателем 43 солдата на 1 тыс. жителей Варшавский военный округ имел самую высокую плотность войск во всей империи. См. об этом:

лях обеспечения государственной и общественной безопасности наместник мог издавать обязательные постановления. Нарушение этих постановлений каралось наместником в административном порядке. Кроме того, наместник имел право, в случаях, которые он расценивал как угрозу государственному порядку, отдавать виновных под военный суд¹⁹.

После смерти генерал-фельдмаршала Берга в январе 1874 г. пост наместника не был занят, и большинство его полномочий были переданы генерал-губернатору²⁰. Но это понижение статуса первого лица Привисленского края мало что изменило в общем устройстве административной структуры Польши. Варшавский генерал-губернатор по-прежнему оставался главным чиновником имперской системы управления и самой влиятельной инстанцией, если речь шла о конкретном претворении в жизнь имперской политики. Он также напрямую назначался императором и был в своих делах подотчетен только ему²¹.

Это не значит, что полнота власти местных правителей была безграничной и неоспоримой. Как ранее наместник, так и Варшавский генерал-губернатор был обязан контактировать с чиновниками межминистерского Комитета по делам Царства Польского. В состав этого комитета, кроме генерал-губернатора, входил министр внутренних дел, военный министр, министр образования и министр финансов. Инстанция была вызвана к жизни указом императора от 25 февраля 1864 г. с целью гарантировать, что различные министерства будут проводить в польских провинциях единую политику²². Как это часто бывало в поликратической имперской государственной машине, Комитет превратился в «площадку», на которой сталкивались конкурировавшие ведомственные интересы, а проблемы решались крайне долго. Комитет предлагал свои решения на одобрение царю, однако в многочисленных конфликтных ситуациях вокруг обсуждавшихся проектов реформ, законов и процедурных вопросов, как правило, возвращал документы тому или иному министерству для «дальнейшей доработки»²³.

Как наместник, так и генерал-губернатор были обязаны поддерживать регулярный контакт с Комитетом, поскольку даже сам царь зачастую отправлял ему «для дальнейшего обсуждения» те предложения варшавских бюрократов, которые адресовались непосред-

Benecke: Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland 1874–1914, S. 63 и S. 66–68. См. также: *Christoph Gumb*: Die Festung. Repräsentationen von Herrschaft und die Präsenz der Gewalt, Warschau (1904–1906). In: Jörg Baberowski/ David Feest/ Christoph Gumb [Hrsg.]: Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich. Frankfurt/Main, 2008. S. 271–302; *Гумб К.* Угрожать и наказывать: Русская армия в Варшаве в 1904–1906 гг. // *Ab Imperio*, 2008. № 3. С. 157–194.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 254. Д. 1, Л. 1–12 [Обозрение мер Правительства, принятых по Царству Польскому после 1863 года. Отчет МВД, 1880]. См. также: Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Том 1, Варшава, 1866; Сборник циркуляров военно-полицейского управления в Царстве Польском 1863–1866 годов. Варшава, 1867. Также см.: *Блинов И. А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб, 1905, прежде всего С. 238–245; *Истомин В. А.* Военное положение в Царстве Польском во время мятежа 1863 года и его последовательные изменения. М., 1903, С. 15. См. также: *Malte Rolf*: A Continuum of Crisis? The Kingdom of Poland in the Shadow of Revolution (1905–1915). In: Frank Grüner/ Raphael Utz/ Felicitas Fischer v. Weikersthal [Hrsg.]: Rethinking the Russian Revolution of 1905. Transcultural Perspectives. Bloomington, 2014.

²⁰ ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 97, Л. 30–45 (письмо канцелярии Варшавского генерал-губернатора Черткова министру внутренних дел Плеве).

²¹ Отчеты генерал-губернатора о положении «вверенной» ему провинции («Всепоподаннейшие отчеты» или «Всепоподаннейшие записки») представляют собой объемное изложение политического, экономического или культурного положения в Привисленском крае и его губерниях. Их дополняло всегда приложение со статистическими данными (обзор). Кроме того, генерал-губернатор и его канцелярия регулярно готовили так называемые «справки» по отдельным вопросам, с которыми петербургский центр обращался к варшавским чиновникам. Отчеты с приложениями практически без изъятий находятся в библиотеке (читальный зал) РГИА, оп. 1.

²² О деятельности комитета см. объемные дела, хранящиеся в РГИА, ф. 1270, оп. 1 [Комитет по делам Царства Польского]. См. также: Новодворский В. Царство Польское // Энциклопедический словарь под редакцией Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб, 1903. Т. 37; *Рейнке Н. М.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 г.). СПб. 1902. С. 116–117.

²³ ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 72–75об. (Постановления Комитета по делам Царства Польского, 12 марта 1881).

венно ему. В первую очередь это касалось масштабных проектов реформ, затрагивавших интересы целого ряда министерств²⁴. Конфликты между представителями центрального правительства и местной администрацией были, таким образом, запрограммированы заранее и, соответственно, многочисленными. Тем не менее Варшавскому генерал-губернатору как правило удавалось удерживать влияние центральных министерств в деле решения местных «польских» проблем в определенных границах²⁵. В бесконечном торге вокруг властных полномочий внутри административного аппарата, сильные генерал-губернаторы были, по меньшей мере, в состоянии добиться значительной свободы в деле принятия решений по поводу «их» провинций.

Вызывает удивление, но абсолютная прерогатива принятий решений, принадлежавшая самодержавию, мало что могла здесь изменить. Без всякого сомнения, монарх был высшей инстанцией. Своими указами и своей монаршей волей он определял направленность политики в Привисленском крае. Царь лично направлял генерал-губернаторов и губернаторов в Польшу, ему адресовались их ежегодные отчеты, ему докладывали ревизоры, отправленные для контроля за местной бюрократией²⁶. И все же в случае с императором, как и в случае с межминистерским комитетом, трудно говорить о последовательной «польской» политике. Тот в целом лавирующий, реактивный характер, который отличал имперское господство в Царстве Польском, базировался в тоже время на факте, что монарх и его ближайшие советники так и не выработали концепции обращения с имперской провинцией. Ситуация не изменилась вплоть до Первой мировой войны.

С полным правом следует подчеркнуть, что отсутствие такого рода концепции было главной чертой имперского господства в многонациональном государстве. Господствующие государственные резоны не носили на себе отпечатка идеи интервенционистского государства²⁷. Определенные элементы устаревшего подхода, согласно которому завоеванные окраины инкорпорировались в империю, сохраняя свое национальное и правовое своеобразие, не утратили своего значения также в ходе модернизации, предпринятой царским режимом после 1860 г. Даже административно-правовая унификация империи, к которой стремился Александр II и гомогенизация, его преемники пытались осуществить на окраинах, во многом оставались непоследовательными. Те мероприятия, которые воспринимались поляками, прибалтийскими немцами или финнами как скоординированная политика русификации, оставались отдельными мероприятиями на уровне административной, правовой и образовательной систем. Что же касается последовательной национальной политики, которая трактовала бы себя саму как форму социального инжиниринга (*social engineering*), то имперские бюрократы даже не помышляли о ней. Исходя из этого, не вызывает удивления, что мероприятия поселенческой политики оставались в таком же зачаточном состоянии, как и рефлексия на тему, можно ли использовать в качестве рычага управления многонациональной империей нацеленное управление экономикой. Напротив, для «национальной политики» образца *avant la lettre* было характерным реактивное обра-

²⁴ ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–43 (Отчет Варшавского генерал-губернатора Альбединского Александру II, 27 декабря 1880); ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 45–75 об. (Письмо председателя Комитета по делам Царства Польского Михаила Горлова Варшавскому генерал-губернатору Альбединскому, 12 марта 1881).

²⁵ Так, Варшавский генерал-губернатор Скалон одержал верх над министром внутренних дел Дурново в дискуссии о порядке выборов в Польшу в первую Государственную Думу. См.: РГИА. Ф. 1327 (1905–1915 гг.). Оп. 2. Д. 21. Л. 122–125 (Отчет Варшавского генерал-губернатора Скалона, 22 марта 1906).

²⁶ О том, что император регулярно читал годовые отчеты генерал-губернатора, свидетельствуют многочисленные заметки на полях, оставленные его рукой. Эти заметки тщательно обсуждались Комитетом по делам Царства Польского или также Комитетом министров и документировались в так называемых справках. См. например: ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 43а–43г (Заметки императора к отчету Варшавского генерал-губернатора Альбединского, 6 января 1881).

²⁷ Под интервенционизмом подразумевается готовность государства, вмешиваться в частную экономику или общественные процессы политическими методами (прим. переводчика).

щение с острыми вызовами во многих отдельных случаях, связанных с такими разными по уровню развития имперскими окраинами²⁸.

Конкретно это относительное отсутствие концептов у центральных органов власти и самодержавного монарха означало для управленческой практики провинций значительную свободу рук для эмиссаров на местах. Для генерал-губернаторов был характерным домодерновый образ мышления, согласно которому государственные инстанции были обязаны в первую очередь сконцентрироваться на обеспечении общественного «спокойствия и порядка», что в случае с Польшей, кроме всего прочего, означало пресечение любых сепаратистских устремлений. Тем не менее, повседневная управленческая рутина на местах требовала вмешательства высокопоставленных чиновников во множество обстоятельств. Именно влияние на повседневные практики имперского управления диктовало полноту власти генерал-губернатора. Царь, его министры и «польский комитет» были далеко от Вислы. Генерал-губернатор и его политические предпочтения – вот что в значительной степени определяло сосуществование народов и конфессий в Царстве Польском и регулировало объемы конфликтности внутри польских провинций²⁹.

Стремясь помешать тому, чтобы эта самостоятельность местной бюрократии приобрела характер неподконтрольного самоуправления, Санкт-Петербург использовал проверенные инструменты инспекций и ревизий. В результате центр отправлял особых уполномоченных, задачей которых было «вскрыть» нарушения в провинции. В свою очередь бюрократы на периферии с полным основанием воспринимали эти ревизионные поездки как серьезную угрозу своей карьере и потенциальные пострадавшие развивали бешеную активность, чтобы избежать царской кары³⁰.

То, что Варшавский генерал-губернатор, несмотря на эти инструменты контроля, мог широко использовать свою власть на местах, объясняется в том числе его влиянием на губернаторов польских губерний. Эти десять высокопоставленных чиновников, хотя и были включены в структуру министерства внутренних дел, в своем большинстве были зависимы от генерал-губернатора как от самой важной местной инстанции³¹. Ведь генерал-губернатор обладал решающим влиянием на ротацию чиновников Царства Польского и их назначение на службу в более или менее престижные подразделения³². Траектории чинов-

²⁸ Принципиально по этому вопросу см. Weeks: *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. S. 12–16 und S. 103. В последнее десятилетие XIX столетия тем не менее наметился постепенный переход: с 1890-х годов, под воздействием индустриализации, роста городов (и низших слоев городского населения), а также в результате других вызовов даже имперские чиновники провинциального аппарата все чаще стали демонстрировать интервенционистское самосознание.

²⁹ Этот вывод совпадает с оценками, высказанными в историографии по поводу других окраин Российской империи. См. например в отношении западных областей и Финляндии: *Mikhail Dolbilov: Russian Nationalism and the Nineteenth-Century Policy of Russification in the Russian Empire's Western Region*. In: Kimitaka Matsuzato [Hrsg.]: *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. Sapporo, 2007. 141–158; *Robert Schweitzer: Die "Baltische Parallele": Gemeinsame Konzeption oder zufällige Koinzidenz in der russischen Finnland- und Baltikumspolitik des 19. Jahrhunderts?* In: *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 1984/33 551–576, в первую очередь S. 575–576; *Darius Staliunas: The Pole in the Policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-Nineteenth Century*. In: *Lithuanian Historical Studies*, 2000/5. S. 45–67; *Darius Staliunas: Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western Borderlands in the mid-19th Century*. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2007/55. 3. S. 357–373; *Theodore R. Weeks: A National Triangle: Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government*. In: *Catherine Evtuhov/Boris Gasparov/Alexander Ospovat/Mark von Hagen [Hrsg.]: Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire*. Moskau 1997. S. 365–380.

³⁰ Архив главных актов древних (АГАД), Канцелярия генерал-губернатора Варшавы, отметка 9068, карточка 156-156в (Письмо Столыпина Варшавскому генерал-губернатору Скалону, 19 июня 1908); ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 156. Л. 15–15 об., 28 (Письмо Харламова, вице-директора канцелярии Варшавского генерал-губернатора, Варшавскому генерал-губернатору Скалону, 1909–1910).

³¹ Губернаторы составляли собственные годовые отчеты о развитии подопечных территорий, адресованные Санкт-Петербургу, однако Варшавский генерал-губернатор выступал здесь промежуточной инстанцией, которая собирала эти отчеты вместе и направляла в Санкт-Петербург. Подробные отчеты Варшавского губернатора см.: РГИА, библиотека (читальный зал), оп. 1. Д. 9–10, 121–130.

³² ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–12 (Протокол комиссии при Варшавском генерал-губернаторе по переустройству Калишской губернии, 12 мая 1893). Генерал-губернатор был также обязан вмешиваться в де-

ничьих карьер нередко протекали в течение определенного времени внутри административных границ Царства Польского, зачастую генерал-губернаторы обладали значительным влиянием, чтобы поспособствовать продвижению того или иного подчиненного вверх по служебной лестнице или по табели о рангах. Локальная система ротации внутри польских территорий, а также карьерные аппетиты чиновников, ожидавших рекомендации свыше, которая позволила бы им перевестись на службу в другую провинцию империи и, тем самым, получить повышение, наделяли генерал-губернатора значительной властью. Свою роль играл также испытанный принцип абсолютистского двора, который привязывал губернаторов к персоне генерал-губернатора смесью конкуренции, интриг и доносов, обязанности представлять рапорты и отчеты, званными приглашениями по торжественным случаям и личными аудиенциями³³.

Но в остальном именно губернаторы были центральными фигурами для местных органов власти Царства Польского. Варшавский генерал-губернатор отстаивал свою автономию перед Санкт-Петербургом, таким же образом поступали десять провинциальных губернаторов и их канцелярии, стремясь действовать независимо в рамках своих губерний³⁴. Учитывая значительное влияние, которым тот или иной губернатор обладал в отношении местных интересов, во многом от его личной власти зависело, как на местах будут складываться отношения между царской бюрократией и местным населением. Спектр действующих лиц и бюрократических стилей, которым они отдавали предпочтение, был большим. Он простирался от пресловутых «ненавистников поляков», которые отчасти сознательно искали конфликта с местным обществом, и вплоть до сторонников *modus vivendi*, которые своей толерантностью и поддержкой местных интересов завоевали в регионе добрую славу³⁵.

Таким образом, имперский режим в Царстве Польском был представлен не только сторонниками широкомасштабной русификации. Но и для умеренных представителей царской администрации было само собой разумеющимся то, что польские провинции являются составной частью империи, и они рассматривали самих себя как присланных из Санкт-Петербурга гарантов «спокойствия и порядка» на местах. Еще одной общей чертой, которая их объединяла, было то, что все они были чужаками, присланными извне, которые проводили на местах «командировки» весьма ограниченное время. Чиновники – представители монарха на окраинах – находились в постоянном движении. Интенсивный контакт с коренным населением не был желательным, тем более что его не так-то просто было установить, учитывая внешний характер и короткое время пребывания «слуг государевых». Высшие должностные лица царской администрации как мобильные актеры оставались чуждыми представителями далекого царя и петербургской метрополии.

В этом контексте снова возникает спор о том, допустимо ли описывать царское господство в польских провинциях как колониальную властную структуру. Как бы однозначно имперские чиновники не выступали на местах в качестве чуждых господ и не воспринимались именно таковыми, тем не менее эта терминология ведет нас в случае с Царством Польским к заблуждению. При всей критике, которую современная историография выска-

тальные вопросы местной кадровой политики. АГАД, Канцелярия генерал-губернатора Варшавы, отметка 6399, карточка 1 (Письмо Плоцкого губернатора Варшавскому генерал-губернатору Скалону, 4 января 1913).

³³ См.: *Chimiak: Gubernatorzy rosyjscy w Krylestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego*, S. 276–279. Это же утверждение верно в отношении местных варшавских чиновников. См.: описание приема у генерал-губернатора в дневнике Аполлона Бенкевича, помощника государственного прокурора Варшавского окружного суда (ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 371. Л. 3, 1 января 1907).

³⁴ В Царстве Польском также имелись примеры раздутаго самовластия губернаторов, вызывавшие контрмеры со стороны МВД. Так, министерство запретило в 1891 г. губернаторам, проводить по собственной инициативе сбор пожертвований, давать новые названия или проводить переименования, а также производить несанкционированные награждения. АГАД, Канцелярия генерал-губернатора Варшавы, отметка 7160, карточка 1-2в (Циркуляр Министерства внутренних дел всем губернаторам, 10 апреля 1891); АГАД, Канцелярия генерал-губернатора Варшавы, отметка 7160, карточка 1–14 (Материалы по учреждению стипендии от имени барона фон Корфа для учащихся мужской Ломжинской гимназии, 1907–1908).

³⁵ См. об этом: *Chimiak: Gubernatorzy rosyjscy w Krylestwie Polskim 1863-1915. Szkic do portretu zbiorowego*. S. 229–265.

зывает в адрес строгой дихотомии метрополии и провинции, термин «колония» по-прежнему служит для описания заморских владений европейских империй. И даже если в случае с «Привисленским краем» доминирование властного аппарата или выделение имперской административной элиты в качестве господствующей группы указывают в «колониальном» направлении, тем не менее существуют весомые аргументы против употребления этой терминологии. Так, колониальный нарратив не являлся важной величиной в самоописании имперских акторов романовской монархии. И хотя Российская империя *de facto* представляла собой множество территорий со своим особым правовым статусом, притязания самодержца на абсолютизм и на полное включение этих территорий в империю противоречило самой возможности существования поступенчатой зависимости областей, находящихся под протекторатом. Для самодержавия все территории империи были в равной мере подчинены властителю³⁶. Эта концепция имперской интеграции имела далеко идущие последствия для проникновения государства на периферию. И какими бы слабыми из-за дефицита ресурсов и персонала не были административные структуры, притязания центра на единство империи как государственного объединения были бесспорными. Самое позднее со времени Великих реформ Санкт-Петербург задался целью, ликвидировать особый статус провинций и требовал повсеместной стандартизации управления и права. Этот проект унификации распространялся также на Царство Польское и наглядно демонстрировал, что в случае с Привисленским краем с точки зрения центра речь идет об имперской провинции, но ни в коем случае пусть о зависимой, тем не менее, иностранной территории.

Не в последнюю очередь против применения термина «колония» в отношении польских территорий, вошедших в состав империи, говорит также то обстоятельство, что отношения доминирования метрополии в отношении провинции во многих областях оставались неясными. Если военная гегемония Петербурга, которая обеспечивалась армией, была несомненной, то в экономической и культурной областях зачастую все выглядело, даже с точки зрения имперских чиновников, наоборот. Это также объясняет, почему применительно к польским провинциям проблематично говорить о некоей цивилизационной миссии, свойственной европейскому империализму, не говоря уже о том, чтобы убедить в этом широкую публику. Все попытки русского империализма, заявить о некоей *mission civilisatrice* на западной периферии были вынуждены конкурировать со встречным антагонистическим проектом польской стороны, сила которого была следствием не только долгой традиции, но также и тоски по европейским ценностям.³⁷

³⁶ На отсутствие «колониального» дискурса в Российской империи указывают Андреас Каппелер и Виллард Зундерланд. См.: *Kappeler: Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*, S. 138; *Willard Sunderland: Empire Without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia*. In: *Ab Imperio*, 2000/2. S. 101–114. Призыв, серьезно воспринимать «язык самоописания» империи и имперских акторов, см.: П'я В. Gerasimov/ Sergej V. Glebov/ Aleksandr P. Kaplunovskij/ Marina B. Mogil'ner/ Aleksandr M. Semyonov: In Search of New Imperial History. In: *Ab Imperio*, 2005/1. S. 33–56; *Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М.* Язык и самоописания империи как исследовательская проблема и политическая дилемма // *Ab Imperio*, 2005. № 1. С. 1–12; *Ilya Gerasimov/ Sergey Glebov/ Jan Kusber/ Marina Mogilner/ Alexander Semyonov: New Imperial History and the Challenges of Empire*. In: *Ilya Gerasimov/ Jan Kusber/ Alexander Semyonov [Hrsg.]: Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden 2009. P. 3–32.

³⁷ Касательно представлений о цивилизационной миссии России см.: *Raphael Utz: Rußlands unbrauchbare Vergangenheit. Nationalismus und Außenpolitik im Zarenreich*. Wiesbaden 2008, прежде всего S. 82–84 и 216–245; *Theodore R. Weeks: Slavdom, Civilization, Russification: Comments on Russia's World-Historical Mission, 1861–1878*. In: *Ab Imperio*, 2001/2. S. 223–248. В ходе русско-польской конфронтации польская сторона ожесточенно отстаивала собственное монопольное притязание на «европейскость». См. *Andrzej Chwalba: Polen und der Osten. Tausend Jahre Nachbarschaft*. In: *Andrzej Chwalba [Hrsg.]: Polen und der Osten. Texte zu einem spannungsreichen Verhältnis*. Frankfurt/Main, 1994. S. 12–75; *Stanislaw Eile: Literature and Nationalism in Partitioned Poland, 1795–1918*. Houndmills 2000, S. 46–83; *Alix Landgrebe: "Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden"*. Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden 2003. S. 112–227. О мифе Польши как авангарде латинской Европы

Итак, термин «колония» применительно к Царству Польскому во многих отношениях является дезориентирующим. Не стоит также говорить о каком-то разделении властных полномочий в сфере управления с польскими элитами. После январского восстания, Петербург в этой стратегически важной провинции был готов меньше, чем где-либо еще, разделить полномочия в ключевой области государственного управления с представителями автохтонного общества. Все реформы, нацеленные на определенное участие местных элит Российской империи в органах самоуправления, не затронули Царство Польское. Зато в Привисленском крае последовательней, чем где бы то ни было еще, применялся принцип ротации «внешних», командированных Петербургом чиновников, при сохранении в полном объеме административных полномочий царских эмиссаров. В целом же имперская система управления, которая шаг за шагом была введена в Привисленском крае в течение двух десятилетий после январского восстания, зарекомендовала себя поразительно стабильной³⁸. Конец имперских структур наступил здесь только в 1915 г., став следствием воздействия извне, следствием войны и захвата Польши немецкими войсками.

Ротация на периферии и иерархизация имперского пространства: к вопросу о дуализме «коренной русской земли» и пограничных территорий Российской империи

Описанная здесь административная система, посредством которой в Российской империи управлялся и удерживался в подчинении как Привисленский край, так и другие окраинные регионы, имела многочисленные последствия для восприятия имперскими чиновниками как самой империи, так и проводимых реформ, а также для взаимодействия чиновников с местным населением. Это будет показано на примере феномена, который в значительной степени наложил свой отпечаток на рубеже веков как на российскую общественность, так и на коммуникацию имперских бюрократов. Речь идет о генезисе принципиального дуализма, посредством которого сложное и многообразное имперское пространство было, начиная с 1900 г., структурировано как якобы ясная дихотомия «коренной русской земли» и пограничья.

Ротационная система, обязывавшая имперских чиновников нести службу в сменяемой чередой окраинных областей, привела, начиная с конца XIX в. к тому, что эти весьма различные регионы с точки зрения царских бюрократов все больше и больше сливались друг с другом. Путешествия «по казенной надобности» с одной окраины империи на другую оказывали на имперских чиновников глубокое воздействие. Для многих из этих бюрократов с их биографиями, сложившимися на имперских окраинах, собственное житейское отношение к периферии способствовало выработке совокупного образа окраин. Вопреки всей местной специфике, в восприятии пространства мобильных акторов все сильнее укоренились параллели, объединявшие окраины в единое целое. В результате относительное единство пограничных областей, обобщенных и унифицированных как «окраина», вытекало из их противопоставления «коренной русской земле»³⁹.

против «схизматической» Азии см. в первую очередь: *Alix Landgrebe*: "Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden". Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden 2003, S. 124–133; *Steffi Marung*: Zivilisierungsmissionen a la polonaise. Polen, Europa und der Osten. In: Frank Hadler/ Matthias Middell [Hrsg.]: Verflochtene Geschichten: Ostmitteleuropa. Leipzig 2010, S. 100–123.

³⁸ О выборах и «польской фракции» (*koio polskie*) в Думе см.: *Edward Chmielewski*: The Polish Question in the Russian Duma. Knoxville 1970; *Glenn Janus*: The Polish Koio, the Russian Duma, and the Question of Polish Autonomy. Ann Arbor 1974; *Pascal Trees*: Wahlen im Weichselland. Die Nationaldemokraten in Russisch-Polen und die Dumawahlen 1905–1912. Stuttgart. 2007.

³⁹ Это высказывалось, начиная с рубежа XIX–XX веков, в многочисленных публикациях. См. например: *Будилович А. С.* Вопрос об окраинах России в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства. СПб, 1906; *Дружинин А. Н., Точинский А. И.* «Царство Польское» на русском рынке. Опыт подсчета товарного обмена окраины с центром в связи с ее производительными силами. Варшава, 1900. Вып. 1.; *Евреинов Г. А.* Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема поли-

Это восприятие окраины как якобы единой общности было в существенной степени обусловлено циркуляцией бюрократов на имперской периферии. Отдельные персоны конечно же были в состоянии делать совершенно разные выводы в отношении требуемых и возможных стратегий господства в пограничных областях. Однако в целом многие из них руководствовались представлением о внутренней иерархической системе империи, которая якобы характеризовалась дуализмом окраины и «коренной» земли.

Этот дуализм играл центральную роль в движении русских националистов, усилившемся на рубеже XIX–XX веков. То, что в их рядах оказался целый ряд персон с «периферийными имперскими биографиями», отнюдь не является исключением⁴⁰. Однако имеются многочисленные примеры, которые свидетельствуют, что в среде имперского чиновничества были представлены не только русские националисты. Тем не менее, всех бюрократов объединяло принципиальное предположение о внутренней иерархии имперского пространства. Те чиновники, которые действовали за рамками русского националистического лагеря, также исповедовали дихотомию «коренной русской земли» и окраины, которая якобы ясно структурировала для них труднообозримое пространство многонациональной империи⁴¹.

Собственный опыт знакомства с имперским многообразием, которое было особенно большим именно на окраинах, произвел на рубеже веков в чиновничьих кругах парадоксальное воздействие: этот опыт не обязательно обострял восприятие той или иной специфики разных провинций. Скорее он стимулировал обобщенное гомогенное восприятие данных регионов, сосредоточенное в сингулярном понятии «окраина». Без сомнения, именно принцип ротации и чуждость местным условиям сделали имперских бюрократов восприимчивыми именно к такому восприятию пространства. Таким образом, существовавшая в Российской империи система управления способствовала, формированию мысленной географической карты, которая приписывала империи новую внутреннюю иерархию.

В целом же можно сделать следующий вывод: в Российской империи наблюдались процессы, которые часто идентифицируются в новейших дебатах историков, посвященных «колониальному модерну»⁴². Также и в романовской монархии циркулировали представления, концепты и практики, чей генезис нередко протекал в провинции, прежде чем они попадали в общеимперскую сеть коммуникаций и трансфера. Именно в отношении Царства Польского подтверждаются размышления, согласно которым провинциям, как

тического программы. СПб., 1908; *Привислинец, Туткевич Д., Дружинин А. Н.* Россия и ее окраина. Киев, 1903. В этом же контексте следует рассматривать издававшуюся Н. Д. Сергеевским «Библиотеку окраин России», а также еженедельник «Окраины России» под редакцией П. А. Кулаковского. О Кулаковском см.: *Frank Golczewski/ Gertrud Pickhan: Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte.* Göttingen 1998, 61–62; *Лантева Л. П.* Славянский вопрос в мировоззрении П. А. Кулаковского (по архивным материалам) // *Славянская идея: история и современность* / под ред. В. А. Дьякова. М., 1998. С. 111–126; Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2011. С. 30–37, 149–151; Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 53–54.

⁴⁰ См. об этом: *Manfred Hagen: Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III. Duma 1907–1911.* Göttingen 1962; *Manfred Hagen: Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Rußland 1906–1914.* Wiesbaden 1982, S. 227–245; *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия; *Alexei Miller: The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism.* In: *Alexei Miller/ Alfred J. Rieber [Hrsg.]: Imperial Rule.* Budapest, 2004. S. 9–45.

⁴¹ Имеются многочисленные примеры, когда царские бюрократы критически высказывались в рамках российского публичного пространства в отношении националистических тенденций. См., например, записи президента (городского головы) Варшавы Сократа Ивановича Старынкевича: *Sokrates Starynkiewicz: Muż Dziennik.* In: *Rocznik Warszawski, 2002/XXXI.* S. 191–222; *Sokrates Starynkiewicz: Dziennik 1887–1897.* Warschau, 2005, здесь в первую очередь S. 162–164.

⁴² К вопросу о понятии «колониального модерн» см.: *Andreas Eckert: Kolonialismus, Moderne und koloniale Moderne in Afrika.* In: *Jörg Baberowski/ Hartmut Kaelble/ Jürgen Schriewer [Hrsg.]: Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentationen sozialer Ordnungen im Wandel.* Frankfurt/Main 2008, S. 53–66; *Timo Heiler: Laboratorien für die Moderne? Die deutschen Kolonien als Versuchsfeld einer urbanen und gesellschaftlichen Neugestaltung.* In: *Journal of New Frontiers in Spatial Concepts, 2010. 2. S. 57–68, в первую очередь S. 59–68.*

экспериментальному полю «колониального модерна», приписывается определенный инновационный потенциал. Причем об этом следует говорить в двойном смысле: Привисленский край также являлся лабораторией для современных управленческих практик, укзывавших в направлении «интервенционистской» государственной бюрократии, причем эти практики зачастую выходили за рамки действий самодержавия во внутренних областях империи. Также, как и в других колониальных европейских империях, техники, накопленные знания и нарратив, возникшие на периферии, оказывали в свою очередь воздействие на метрополию⁴³.

Новейшие исследования Габсбургской монархии показали, что циркуляционное воздействие такого рода было характерно не только для европейских метрополий, обладавших заморскими колониями, но и для континентальных империй⁴⁴. Таким образом, историю имперской администрации Российской империи следует рассказывать, как историю взаимных переплетений, мобильности, круговорота и ротации. В результате историография сможет отказаться от традиционной фиксации исключительно на имперском центре. Соответствующим образом, царские чиновники «в разъездах» были центральными мобильными акторами, соединявшими как центр и периферию, так и окраины между собой. Они же являлись источником динамик, зарождавшихся в пограничных регионах и в свою очередь оказывавших обратное воздействие на столичные пространства и способствовавших их «провинциализации».⁴⁵ Мобильность высших представителей самодержавия являлась главной чертой имперского управления на окраинах Российской империи. Эта мобильность делала имперскую администрацию более гибкой и обеспечивала фиксацию царских эмиссаров исключительно на центре. Однако в то же время она обуславливала чуждость государственной бюрократии по отношению к локальным контекстам и способствовала складыванию противоречий между местным населением и петербургской верховной властью. В конечном итоге имперская система ротации бюрократов внесла существенный вклад в чреватый последствиями антагонизм власти и общества, характерный

⁴³ Этот «лабораторный» характер колоний изучается в историографии на различных исследовательских площадках. Колонии как экспериментальные поля с обратным воздействием на Европу вызывают интерес в первую очередь применительно к расовой теории, медицинским практикам и накопленным знаниям. См. в том числе: *Simon A. Cole: Suspect Identities. A History of Fingerprinting and Criminal Identification.* Cambridge 2001; *Harald Fischer-Tinü: Low and Licentious Europeans. Race, Class and 'White Subalternity' in Colonial India.* New Delhi 2009; *Pascal Grosse: Kolonialismus, Eugenik und bürgerliche Gesellschaft in Deutschland 1850–1918.* Frankfurt/Main 2000; *Wolfgang Eckart: Medizin und Kolonialimperialismus. Deutschland 1884–1945.* München 1997. Кроме того, в фокусе исследования *истории трансферов* (Transfergeschichte) оказались организационные принципы бюрократического аппарата и административные практики. См.: *Andreas Eckert: Verwaltung, Recht und koloniale Praxis in Kamerun, 1884–1914.* In: Rüdiger Voigt/ Peter Sack [Hrsg.]: *Kolonialisierung des Rechts. Zur kolonialen Rechts -und Verwaltungsordnung.* Baden Baden 2001. S. 167–182; *Andreas Eckert/ Michael Pesek: Bürokratische Ordnung und koloniale Praxis. Herrschaft und Verwaltung in Preußen und Afrika.* In: Sebastian Conrad/ Jürgen Osterhammel [Hrsg.]: *Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914.* Göttingen 2004. S. 87–106. Применительно к Российской империи см.: *Marina Mogilner: Russian Physical Anthropology of the Nineteenth-Early Twentieth Centuries. Imperial Race, Colonial Other, Degenerate Types, and the Russian Racial Body.* In: Ilya Gerasimov/ Jan Kusber/ Alexander Semyonov [Hrsg.]: *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire.* Leiden 2009. S. 155–190; *Jeff Sahadeo: Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "Civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot.* In: *Slavic Review*, 2005/64. S. 1, 117–139.

⁴⁴ Новейшие исследования занимаются комплексным взаимодействием акторов на окраинах империи и теоретиков и практиков в центре. См.: *Harald Binder: Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik.* Wien 2005; Endre Hórs/ Wolfgang Müller-Funk/ Ursula Reber/ Clemens Ruthner [Hrsg.]: *Zentren, Peripherien und kollektive Identitäten in Österreich-Ungarn.* Tübingen 2006; Hans-Christian Maner [Hrsg.]: *Grenzregionen der Habsburgermonarchie im 18. und 19. Jahrhundert. Ihre Bedeutung und Funktion aus der Perspektive Wiens.* Münster 2005; *Anna Veronika Wendland: Imperiale, koloniale und postkoloniale Blicke auf die Peripherien des Habsburgerreiches.* In: Claudia Kraft/ Alf Lütke/ Jürgen Martschukat [Hrsg.]: *Kolonialgeschichten. Regionale Perspektiven auf ein globales Phänomen.* Frankfurt/Main, 2010. S. 211–235.

⁴⁵ См. об этой динамике взаимодействия и взаимовлияния имперского центра и периферии: *Dipesh Chakrabarty: Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference.* Princeton 2000.

для заката Российской империи. Во второй половине XX столетия гегемония Петербурга на имперских окраинах была в том числе подорвана внешним характером власти мобильного чиновничьего аппарата.

Список литературы

- Baberowski, Jörg* Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1999/47. № 3. S. 482–503
- Baberowski, Jörg* Vertrauen durch Anwesenheit. Vormoderne Herrschaft im späten Zarenreich. // *Baberowski, Jörg/ Feest, David/ Gumb, Christoph* [Hrsg.] Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich. Frankfurt/Main, 2008. S. 17–37.
- Ballantyne, Tony/ Burton, Antoinette* [Hrsg.] *Moving Subjects: Gender, Mobility and Intimacy in an Age of Global Empire*. Champaign/Ill., 2009.
- Benecke, Werner* Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland 1874–1914. Paderborn, 2006.
- Beyrau, Dietrich* Liberaler Adel und Reformbürokratie im Rußland Alexanders II. // *Langewiesche, Dieter* [Hrsg.] Liberalismus im 19. Jh. Göttingen, 1988, S. 499–514.
- Beyrau, Dietrich* Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Kuln, 1984.
- Binder, Harald* Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien, 2005.
- Brown, Laurence* Inter-colonial migration and the refashioning of indentured labour: Arthur Gordon in Trinidad, Mauritius and Fiji (1866–1880). // *Lambert, David/ Lester, Alan* [Hrsg.] *Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006, S. 204–227.
- Buchen, Tim / Rolf, Malte* [Hrsg.] *Imperiale Biographien: Lebensläufe, Karrieremuster und Selbstbilder der Reichseliten in der Romanow- und der Habsburger Monarchie*. Köln, 2014.
- Chakrabarty, Dipesh* *Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, 2000
- Chimiak, Jukasz* *Gubernatorzy rosyjscy w KrylestwiePolskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego*. Wroclaw, 1999.
- Chmielewski, Edward* *The Polish Question in the Russian Duma*. Knoxville, 1970.
- Chwalba, Andrzej* Polen und der Osten. Tausend Jahre Nachbarschaft // *Chwalba, Andrzej* [Hrsg.] *Polen und der Osten. Texte zu einem spannungsreichen Verhältnis*. Frankfurt/Main, 1994, S. 12–75.
- Cole, Simon A.* *Suspect Identities. A History of Fingerprinting and Criminal Identification*. Cambridge, 2001
- Czubaty, Jaroslaw* *Ksiekstwo Warszawskie (1807–1815)*. Warschau, 2011.
- Dolbilov, Mikhail* Russian Nationalism and the Nineteenth-Century Policy of Russification in the Russian Empire's Western Region // *Matsuzato, Kimitaka* [Hrsg.] *Imperiology: From Empirical Knowledge to DiscussingtheRussian Empire*. Sapporo, 2007. P. 141–158.
- Eckart, Wolfgang* *Medizin und Kolonialimperialismus. Deutschland 1884–1945*. München, 1997.
- Eckert, Andreas* Kolonialismus, Moderne und koloniale Moderne in Afrika // *Baberowski, Jörg/ Kaelble, Hartmut/ Schriewer, Jürgen* [Hrsg.] *Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentationen sozialer Ordnungen im Wandel*. Frankfurt/Main, 2008. S. 53–66.
- Eckert, Andreas* Verwaltung, Recht und koloniale Praxis in Kamerun, 1884–1914. // *Voigt, Rüdiger / Sack, Peter* [Hrsg.] *Kolonialisierung des Rechts. Zur kolonialen Rechts -und Verwaltungsordnung*. Baden Baden, 2001. S. 167–182.
- Eckert, Andreas / Pesek, Michael* Bürokratische Ordnung und koloniale Praxis. Herrschaft und Verwaltung in Preußen und Afrika. // *Conrad, Sebastian/ Osterhammel, Jürgen* [Hrsg.] *Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914*. Göttingen, 2004. S. 87–106.
- Eile, Stanislaw* *Literature and Nationalism in Partitioned Poland, 1795–1918*. Houndmills, 2000.
- Fischer-Tinñ, Harald* Low and Licentious Europeans. Race, Class and 'White Subalternity' in Colonial India. New Delhi, 2009.
- Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М.* Язык и самоописания империи как исследовательская проблема и политическая дилемма // *Ab Imperio*. 2005. № 1, С. 1–12.
- Gerasimov, Il'ja V. / Glebov, Sergej V./ Kaplunovskij, Aleksandr P./ Mogil'ner, Marina B./ Semyonov, Aleksandr M.* In Search of New Imperial History. // *Ab Imperio*, 2005, № 1. С. 33–56.
- Gerasimov I. / Glebov S. / Kusber J./ Mogilner M. / Semyonov A.* New Imperial History and the Challenges of Empire. // *Gerasimov, Ilya/ Kusber, Jan/ Semyonov, Alexander* [Hrsg.] *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden, 2009. P. 3–32.
- Golezewski, Frank / Pickhan, Gertrud* *Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte*. Göttingen, 1998.
- Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.

- Grosse, Pascal Kolonialismus, Eugenik und bürgerliche Gesellschaft in Deutschland 1850–1918. Frankfurt/Main, 200.
- Gumb, Christoph Die Festung. Repräsentationen von Herrschaft und die Präsenz der Gewalt, Warschau (1904–1906). // Baberowski, Jörg/ Feest, David/ Gumb, Christoph [Hrsg.] Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich. Frankfurt/Main, 2008, S. 271–302.
- Гумб К. Угрожать и наказывать: Русская армия в Варшаве в 1904–1906 гг. // Ab Imperio, 2008. № 3. С. 157–194.
- Hagen, Manfred Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III. Duma 1907–1911. Göttingen, 1962.
- Hagen, Manfred Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Rußland 1906–1914. Wiesbaden, 1982.
- Hall, Catherine Civilising Subjects. Metropole and Colony in the English Imagination, 1830–1867. Cambridge, 2002.
- Hall, Catherine [Hrsg.] Cultures of Empire. Colonizers in Britain and the Empire in the 19th and 20th Centuries. New York, 2000.
- Haltzel, Michael H. Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Russlands. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855–1905. Marburg, 1977.
- Happel, Jörn / Rolf, Malte Die Durchlässigkeit der Grenze: Einleitende Überlegungen zu Grenzgängern und ihren Lebenswelten in der späten Habsburger- und Romanow-Monarchie. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2011/59, № 5, S. 397–404.
- Hörs, Endre / Müller-Funk, Wolfgang / Reber, Ursula / Ruthner, Clemens [Hrsg.] Zentren, Peripherien und kollektive Identitäten in Österreich-Ungarn. Tübingen, 2006.
- Heiler, Timo Laboratorien für die Moderne? Die deutschen Kolonien als Versuchsfeld einer urbanen und gesellschaftlichen Neugestaltung. // Journal of New Frontiers in Spatial Concepts, 2010. № 2. S. 57–68.
- Howell, Philip / Lambert, David Sir John Pope Hennessy and colonial government: humanitarianism and the translation of slavery in the imperial network. // Lambert, David/ Lester, Alan [Hrsg.] Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century. Cambridge, 2006. P. 228–256.
- Janus, Glenn The Polish Koio, the Russian Duma, and the Question of Polish Autonomy. Ann Arbor, 1974
- Kappeler, Andreas Nationsbildung und National bewegungen im Russländischen Reich. // Archiv für Sozialgeschichte, 2000/40. S. 67–90.
- Kappeler, Andreas Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992.
- Kennan, George ... und der Zar ist weit: Sibirien 1885. Berlin, 1975.
- Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003.
- Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2011.
- Laidlaw, Zol Richard Bourke Irishliberalism tempered by empire // Lambert, David/ Lester, Alan [Hrsg.] ColonialLivesAcross the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century. Cambridge, 2006. P. 113–144
- Lambert, David / Lester, Alan Introduction. Imperial Spaces, Imperial Subjects. // Lambert, David/ Lester, Alan [Hrsg.] Colonial Lives Across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century. Cambridge, 2006. P. 1–31
- Landgrebe, Alex "Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden". Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden, 2003
- Лантева Л. П. Славянский вопрос в мировоззрении П. А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность / под редакцией В. А. Дьякова. М., 1998. С 111–126
- Leonhard, Jörn / Hirschhausen, Ulrike von Beyond Rise, Decline and Fall. Comparing Multi-Ethnic Empires in the long Nineteenth Century // Leonhard, Jörn/ Hirschhausen, Ulrike von [Hrsg.] Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century. Göttingen, 2011.
- Leonhard, Jörn / Hirschhausen, Ulrike von Empires and Nationalstaaten im 19. Jahrhundert. Göttingen 2009
- Lieven, Dominic Empire: The Russian Empire and its Rivals. New Haven, 2002.
- Lieven, Dominic Empires on Europe's Periphery: Russian and Western Comparison. // Miller, Alexei/ Rieber, Alfred J. [Hrsg.] Imperial Rule. Budapest, 2004. P. 133–149.
- Lieven, Dominic Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven, 1989.
- Lincoln, W. Bruce The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, 1990.
- Maner, Hans-Christian [Hrsg.] Grenzregionen der Habsburgermonarchie im 18. und 19. Jahrhundert. Ihre Bedeutung und Funktion aus der Perspektive Wiens. Münster, 2005.
- Marung, Steffi Zivilisierungsmissionen a la polonaise. Polen, Europa und der Osten. // Hadler, Frank/ Middell, Matthias [Hrsg.] Verflochtene Geschichten: Ostmitteleuropa. Leipzig 2010, S. 100–123.
- Mińsko, Jyżef Szkolnictwo zawodowe w Krylestwie Polskim w latach 1815–1915. Wrociaw, 1966.
- Miller, Alexei The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism. // Miller, Alexei/ Rieber, Alfred J. [Hrsg.] Imperial Rule. Budapest, 2004. P. 9–45.
- Mogilner, Marina Russian Physical Anthropology of the Nineteenth–Early Twentieth Centuries. Imperial Race, Colonial Other, Degenerate Types, and the Russian Racial Body. // Gerasimov, Ilya/ Kusber, Jan/ Semyonov,

Alexander [Hrsg.] *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire.* Leiden, 2009. P. 155–190.

Müller, Michael G. Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795. München, 1984.

Müller, Michael G. Hegemonial Politik und imperiale Expansion: Die Teilungen Polens. // Hübner, Eckhard/ Kusber, Jan/ Nitsche, Peter [Hrsg.] *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus - Aufklärung - Pragmatismus.* Köln, 1998. S. 397–410.

Norris, Stephen M. / Sunderland, Willard Introduction. *Russia's People of Empire.* // Norris, Stephen M./ Sunderland, Willard [Hrsg.] *Russia's People of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present.* Bloomington, 2012.

Randolph, John / Avrutin, Eugene M. [Hrsg.] *Russia in Motion. Cultures of Human Mobility since 1850.* Champaign/Ill. 2012.

Robbins, Richard G. *The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire.* Ithaca, 1987.

Rolf, Malte "Approved by the censor": Tsarist censorship and the public sphere in Imperial Russia and the Kingdom of Poland (1860–1914). // Behrends, Jan Claas/ Lindenberger, Thomas [Hrsg.] *Underground Publishing and the Public Sphere. Comparative and Transnational Perspectives.* Palgrave, 2014.

Rolf, Malte A Continuum of Crisis? The Kingdom of Poland in the Shadow of Revolution (1905–1915). // Grüner, Frank/ Utz, Raphael/ Fischer v. Weikersthal, Felicitas [Hrsg.] *Rethinking the Russian Revolution of 1905. Transcultural Perspectives.* Bloomington 2014.

Rolf, Malte Imperiale Herrschaft im städtischen Raum. Zarische Beamte und urbane Öffentlichkeit in Warschau (1870–1914). // Pietrow-Ennker, Bianka [Hrsg.] *Russlands imperiale Macht. Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive.* Köln 2012, S. 123–153.

Rolf, Malte Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen und das Russische Imperium (1864–1915). München, 2014.

Rolf, Malte Revolution, Repression und Reform: 1905 im Königreich Polen. // Antipow, Lilia/ Stadelmann, Matthias [Hrsg.] *Schlüsseljahre. Zentrale Konstellationen der mittel- und osteuropäischen Geschichte. Festschrift für Helmut Altrichter zum 65. Geburtstag.* Stuttgart 2011, S. 219–232.

Rolf, Malte Russifizierung, Depolonisierung oder innerer Staatsaufbau? Konzepte imperialer Herrschaft im Königreich Polen (1863–1915). // Gasimov, Zaur [Hrsg.] *Kampf um Wort und Schrift: Russifizierung in Osteuropa im 19.-20. Jahrhundert.* Göttingen, 2012. S. 51–88

Rolf, Malte / Buchen, Tim [Hrsg.] *Imperiale Biographien in Vielvölkerreichen. Elitekarrieren im Britischen, Deutschen, Habsburger, Osmanischen und Russischen Reich (1850–1918).* Göttingen, 2014

Sahadeo, Jeff Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "Civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot. // *Slavic Review*, 2005/64. № 1. P. 117–139.

Schaffer, Simon / Roberts, Lissa / Raj, Kapil / Delbourgo, James [Hrsg.] *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820.* Sagamore Beach 2009.

Schweitzer, Robert Die "Baltische Parallele": Gemeinsame Konzeption oder zufällige Koinzidenz in der russischen Finnland- und Baltikumspolitik des 19. Jahrhunderts? // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 1984/33. S. 551–576.

Staliunas, Darius Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western Borderlands in the mid-19th Century. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2007/55. № 3. S. 357–373.

Staliunas, Darius The Pole in the Policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-Nineteenth Century. // *Lithuanian Historical Studies*, 2000. № 5. P. 45–67.

Starynkiewicz, Sokrates *Dziennik 1887–1897.* Warschau. 2005.

Starynkiewicz, Sokrates *Myj Dziennik.* // *Rocznik Warszawski*, 2002/XXXI. P. 191–222.

Stoler, Ann Laura/ Cooper, Frederick [Hrsg.] *Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World.* Berkeley, 1997.

Sunderland, Willard The Emperor's Men at the Empire's Edges // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004/5. № 3. P. 515–525.

Sunderland, Willard Empire Without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia. // *Ab Imperio*, 2000. № 2. C. 101–114.

Szymanski, Leonard *Zarys polityki caratu wobec szkolnictwa ogólnokształcącego w Królestwie Polskim w latach 1815–1915.* Wrocław. 1983.

Thaden, Edward C. The Russian Government. // Thaden, Edward C. [Hrsg.] *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914.* Princeton, 1981. P. 15–110.

Trees, Pascal Wahlen im Weichselland. Die Nationaldemokraten in Russisch-Polen und die Dumawahlen 1905–1912. Stuttgart, 2007.

Utz, Raphael *Rußlands unbrauchbare Vergangenheit. Nationalismus und Außenpolitik im Zarenreich.* Wiesbaden. 2008.

Velychenko, Stephen Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // *Russian Review*, 1995/54. № 2. P. 188–208.

Vladimirov, Katya The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and 20th Century Russian Poland. Lewiston. 2004.

Vökl, Ekkehard Zar Alexander I. und die "polnische Frage". // *Saeculum*, 1973/24. S. 112–132.

Weeks, Theodore R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb. 1996.

Weeks, Theodore R. A National Triangle: Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government. // *Evtuhov, Catherine/ Gasparov, Boris/ Ospovat, Alexander/ Hagen, Mark von* [Hrsg.] *Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire*. Moskau, 1997. P. 365–380.

Weeks, Theodore R. Slavdom, Civilization, Russification: Comments on Russia's World-Historical Mission, 1861–1878. // *Ab Imperio*, 2001. № 2. С. 223–248.

Wendland, Anna Veronika Imperiale, koloniale und postkoloniale Blicke auf die Peripherien des Habsburgerreiches. // *Kraft, Claudia/ Lüdtker, Alf/ Martschukat, Jürgen* [Hrsg.] *Kolonialgeschichten. Regionale Perspektiven auf ein globales Phänomen*. Frankfurt/Main 2010. S. 211–235.

Yaroshevski, Dov Empire and Citizenship. // *Brower, Daniel R./ Lazzarini, Edward J.* [Hrsg.] *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, 1997. P. 58–79.

Zawadzki, W.H. Russia and the Re-opening of the Polish Question, 1801–1814. // *The International History Review*, 1985/7. № 1. P. 19–44.

Zernack, Klaus Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jh.s. // *Liszkowski, Uwe* [Hrsg.] *Rußland und Deutschland. Festschrift für Georg von Rauch*. Stuttgart. 1974.

Rolf Malte*

Officials Travelling: to the Question of Structure and Characters of Imperial Bureaucracy during Final Years of the Russian Empire

The article reviews the role of high-ranking officials – emissaries of imperial government on the outskirts – in securing the unity of Russian Empire during second half of 19th century-beginning of 20th century. The article views high mobility and constant rotation of the officials as a phenomenon of imperial government apparatus. Basic mechanisms and specifics of administrative system managing the border regions of the Empire and headed by “mobile” officials are characterized using the example of the Kingdom of Poland. In the closing part of the article the author considers advantages and disadvantages of managing an Empire with the help of traveling emissaries. The article is written using the methodology of “new imperial history”, and as such, history of administrative structures in the late imperial Russia appears as history of intertwining, mutual influences, transferring and circulating communications, ideas and practices.

Keywords: Russian Empire, outskirts, Kingdom of Poland, officials, bureaucracy, mobility, rotation, new imperial history

Статья принята редакцией 5.07.2018

* **Rolf Malte** – PhD in history, professor of Otto Frederick University in Bamberg. E-mail: malte.rolf@uni-bamberg.de